

Экспорт на войну

Являются ли военно-промышленные концерны соучастниками военных преступлений?

30.01.2020

Столкновение между правительственными войсками и йеменскими повстанцами-хуситами

Это интервью также доступно на немецком / английском языке

Интервью провела Клаудия Детч

Европейский центр по конституционным правам и правам человека (ECCHR) обратился в Международный уголовный суд с заявлением, в котором обвинил концерн Rheinmetall и компанию Airbus в пособничестве военным преступлениям в Йемене. Что же конкретно вменяется в вину этим предприятиям?

Существует вероятность того, что правления и топ-менеджмент как минимум восьми европейских фирм по производству оружия совершили уголовно наказуемые деяния, так как из-за поставок боевых самолетов и бомб могли стать соучастниками военных преступлений в Йемене. Общеизвестно, что ответственность за нападения на мирное население с нарушением норм международного права в йеменском конфликте несет воздушный флот военной коалиции, возглавляемой Саудовской Аравией. На месте такого авиаудара, во время которого погибла семья из шести человек, были, например, обнаружены части оружия, позволяющие сделать вывод о применении управляемой бомбы, произведенной фирмой RWM Italia S.p.A., дочерним предприятием немецкого военно-промышленного концерна Rheinmetall AG. В свою очередь эти бомбы, очевидно, могли быть сброшены с самолетов, которые строит и поставляет в том числе в Саудовскую Аравию компания Airbus. В международном уголовном праве действует принцип, согласно которому уголовно наказуемым деянием является и поддержка, оказываемая другим лицам в совершении преступлений против международного права или предоставление орудий для достижения

таких преступных целей. Эту концепцию следует применить и к ответственным лицам крупных оружейных концернов.

А могут ли такие частные предприятия, как Rheinmetall, вообще быть ответчиками по подобным искам? Ведь они ссылаются на то, что поставки оружия и самолетов осуществляются ими в соответствии с нормами действующего права.

Вывод о том, что вооруженные конфликты затеваются и осуществляются не только политиками и военными, а важную роль здесь играют и крупные промышленные предприятия, не нов. Еще на Нюрнбергском процессе 1945 года стало ясно, что, к примеру, промышленные боссы концерна Krupp AG создали возможность для совершения преступлений нацистским режимом и поддерживали его. Поэтому против менеджеров и собственников крупных немецких концернов (Flick, Krupp, IG Farben) были выдвинуты в том числе и обвинения в производстве оружия для захватнических войн Германии.

Мы прибегаем к схожим аргументам: если поставки оружия для одной из сторон конфликта создают возможность для совершения ею военных преступлений, а сам поставщик имеет основания полагать, что это оружие может использоваться для совершения уголовных преступлений против международного права, то в таком случае подобные действия невозможно оправдать даже полученными разрешениями. Разрешений в рамках административного права, способствующих преступлениям против международного права, быть не может и не должно!

Какие меры надлежит предпринять германскому правительству и правительствам других европейских стран для предотвращения дальнейшей эскалации конфликтов из-за поставок вооружений, производимых в Европе?

Федеральное правительство всегда охотно ссылается на то, что немецкое право в области контроля над вооружениями по сравнению с другими европейскими странами является довольно строгим. Однако Закон о контроле над вооружениями неприменим ко многим видам экспорта в рамках европейских кооперационных проектов типа строительства истребителя Eurofighter. Там действуют более мягкие положения Закона о внешнеэкономической деятельности. К тому же практика выдачи разрешений слишком размыта. На наш взгляд, уполномоченные инстанции недостаточно точно контролируют возможные последствия экспорта вооружений. Своим заявлением о совершенном уголовном преступлении мы стремимся обратить внимание Федерального правительства на необходимость контроля за вероятностью пособничества военным преступлениям посредством экспорта вооружений. И если это так, то выдача разрешения на экспорт может рассматриваться как акт пособничества. Это означает, что чиновники, дающие разрешение на экспорт оружия, при известных условиях могут также нести ответственность в рамках международного уголовного права.

Защитники экспорта вооружений возражают, что такие же поставки применялись, например, в войне против ИГ, а потому в конечном счете имеют положительный эффект. Как тут можно провести четкое разграничение?

Хранение и использование оружия в действующем праве в области контроля за экспортом вооружений регулируется в рамках так называемых сертификатов конечного пользователя. В них прописано, кто должен быть получателем оружия и допускается ли его дальнейшая передача. Но в таких сертификатах конечного пользователя не всегда в достаточной степени или конкретно указываются цели, в которых разрешено использование этого оружия, что создает почву для злоупотреблений. И к тому же они с трудом поддаются проверке. Как только оружие однажды покинуло пределы страны и оказалось на территории другого суверенного государства, Федеральное правительство Германии мало как может повлиять на его использование.

Процесс против компании Heckler & Koch по обвинению в поставках оружия в Мексику продемонстрировал практическую невозможность обеспечения контроля за соблюдением сертификатов конечного пользователя. Итак, если, по всей вероятности, существует риск использования оружия с нарушением прав человека и международного гуманитарного права, необходимо запрещать выдачу разрешений и экспорт, причем независимо от возможного наличия других позитивных соображений в пользу экспорта.

Какие шаги следует предпринять на международном уровне для того, чтобы улучшить защиту мирного населения в кризисных регионах?

На международном уровне важно расширить действие и обеспечить более эффективную реализацию Международного договора о торговле оружием (Arms Trade Treaty, ATT), в котором предусмотрены обязательные стандарты для процедуры выдачи разрешений на экспорт вооружений и боеприпасов. Этот договор вступил в силу в 2014 году. Тем не менее страны, вносящие весомый вклад в производство глобальных вооружений и торговлю ими, например, США, до сих пор не ратифицировали его. В международном масштабе нам нужна также большая ясность в том, какой должна быть надлежащая оценка существующих рисков перед выдачей разрешений на экспорт: насколько точно органы власти обязаны изучить наличие угрозы нападения на мирное население? Достижение большей ясности в этих вопросах и разработка единого подхода на многостороннем уровне принесли бы в долгосрочной перспективе пользу и мирному населению в регионах конфликтов.

А не приведет ли столь далеко идущая регламентация в Европе в конечном счете к переносу производства товаров военного назначения в другие страны, где правам человека уделяется не столь большое внимание?

Это излюбленные аргументы, к которым прибегают предприятия, когда к ним предъявляют высокие требования соблюдения прав человека. И все же они ошибочны. Во-первых, если поставки оружия создают возможность для военных преступлений, то в таком случае то, что оно поставляется из Германии, ничего не меняет по существу преступления, разве что на этом зарабатывают и немецкие предприятия. Во-вторых, высокотехнологическое оружие – это не тенниски, а потому производство определенных видов вооружений не может быть просто так перенесено в другие регионы. К тому же существуют различные международные нормы, предписывающие всем государствам и военно-промышленным корпорациям во всем мире схожие стандарты. Наряду с ATT есть и Руководящие принципы предпринимательской деятельности в аспекте прав человека Организации Объединенных Наций. Ими бизнесу предписана обязанность должным образом соблюдать права человека и тщательно оценивать вредные для них последствия, которые влекут за собой поставляемые ими продукты. Таким образом, становится ясно: при экспорте в другие страны предприятия и органы власти оперируют в пространстве, где также действуют права человека.